

уследить, картина останется неполной. Документ входит в искусство на новых правах...» [Алексиевич 2000: 41]. Объясняя некоторые черты своего творческого метода, С.Алексиевич высказывает и ряд интересных мыслей по поводу специфики документа в художественном пространстве. Для нее «путь души важнее самого события», поэтому не на первом месте – «как это было», а – *что* человек пережил, понял о самом себе». «Мой факт – не событие, а чувство; а сюжет – жизнь. Я пишу историю чувств в надежде, что человек всегда хочет прочитать о другом человеке, а не о войне или Чернобыле» [Алексиевич 2000:38]. Эта авторская установка дана в своеобразном авторском вступлении к книге: «Историю интересуют только факты, а эмоции остаются за бортом. Их не принято впускать в историю. Я же смотрю на мир глазами гуманитария, а не историка. Удивлена человеком...» [Алексиевич 2013: 11] (вспоминается толстовские слова о принципиальной разнице между взглядом на историю художника и историка, о праве писателя на художественную правду). Если не искать в потоке времени человека вообще («вечного человека», по ее словам), а ограничиться только человеком войны, человеком эпохи Сталина, хрущевской оттепели или горбачевской перестройки, тогда поиск документальных свидетельств имеет результатом только журналистику, а не литературу как вид искусства. Подобная сверхзадача превращает книги С.Алексиевич не в собрание «сырых» документов, а в книгу, имеющую внутреннее единство, объединенную авторской мыслью.

Самым сложным для автора оказывается труд осмысления, как добиться того, чтобы документ жил по законам искусства («мне нужен факт, работающий как знак») [Алексиевич 2000: 39]. В интервью «Российской газете» она так говорила о замысле книги: «...Хочу понять новое время, выслушать людей. В книге будет десять историй из той жизни, которая называлась социализмом. И десять новых историй из нашей жизни сейчас, которая еще никак не называется. Я дополню их разговорами на кухне и современным уличным шумом: о чем говорили, вспоминали, мечтали 20 лет назад и сейчас» [Юферова 2006].

Перед читателем проходит множество монологов-исповедей преимущественно самых обычных людей. И в этом писательница продолжает традицию русской классической литературы как «копил-

ки, коллекции страданий маленького человека» [Алексиевич 2000: 40]. Но обращение к человеку простому продиктовано и принципиальной позицией: «только свои тексты обычно говорят простые люди», а люди культуры, интеллигенты, чаще говорят текст с чужого голоса» [Алексиевич 2000: 39]. Только голос простого человека может донести реплику деда по поводу путча в Москве: «Ты копай глубже и не слушай, что они там болтают. Наше спасение в земле – уродит картошка или не уродит» [Алексиевич 2013: 143]. Пожалуй, единственное исключение в книге – история маршала Ахромеева. Однако и она подается через воспоминания других лиц (из интервью неанонимной героини на Красной площади в декабре 91-го года, инженера, «патриота», коммуниста), даются отрывки из материалов следствия, из последних записей, где звучит «голос» самого маршала в телепрограмме «Взгляд», в интервью, в письме к Горбачеву, в записной книжке за август 1991 г. Каждый из монологов характеризует и человека, и его восприятие исторического события. Образ Ахромеева дается и в преломлении информированного свидетеля («редкого свидетеля» как некое исключение из правила – из аппарата Кремля). А замыкается композиционное «кольцо» снова отрывками из интервью (но уже 1997 г.) – конструктора, бизнесмена, кондитера, офицера, студента. Такое построение позволяет ввести в повествование фактор времени. «В девяностые ...да, мы были счастливыми, к той нашей наивности уже не вернуться. Нам казалось, что выбор сделан, коммунизм безнадежно проиграл. А все только начиналось...» [Алексиевич 2013: 14]. В интервью 1997 г. конструктор, защищавший Ельцина у Белого дома, говорит: «Россия...Об нее вытерли ноги. Каждый может дать ей по морде. Превратили в западную свалку поношенного тряпья, просроченных лекарств. Хлама! (Мат). Сырьевой придаток, газовый краник...Советская власть? Она была не идеальная, но она была лучше того, что сейчас. Достоинее» [Алексиевич 2013: 139].

Все роли, в которых находится Алексиевич как реальное частное лицо в беседах со своими героями (писатель, журналист, актер, социолог, психоаналитик) как бы отсекаются, и автор (повествователь) выступает уже только как «сосед по времени» (по трифоновскому выражению). Автор максимально скрывает свое присутствие в книге, он один из многих, «соучастник»: «У коммунизма был